

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ДЕНДИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ В.В. НАБОКОВА

Актуальность творческой интерпретации дендистского мировоззрения В.В. Набокова обусловлена его жизнетворческими стратегиями, на что в своей работе указывает Л. Хеллер: «Писатель Набоков выстраивал некий свой образ, имидж, предназначенный для публичного пользования, в отдельных аспектах совпадавший с моделью культурного поведения, именуемой с начала XIX века «дендизмом» [5, с. 395].

Целенаправленное выстраивание образа денди провоцирует писателя на создание художественных персонажей, частично соответствующих дендистскому мировоззрению. Неоднократное выведение себя в критическом ракурсе, через такого рода героев, создает самопародийные образы. Благодаря этому проза В.В. Набокова русского периода несет в себе классификацию героев-денди, оказавшуюся результатом жизнетворческих стратегий писателя.

Первым из таких образов является денди-манекен, кукольную неестественность которому придает не только внешний вид, но и особая манера движения: «Из боковой двери слева вышел бледный мужчина в смокинге, прошел, с той особенной нежной медлительностью, которой отличается походка лунатиков или движение людей в задержанном кинематографе, — и ушел в боковую дверь направо» [1, с. 271]. В последующем тексте произведения писатель трактует такую манекенную холодность как свидетельство проявления высшей степени дендистского мастерства. В прозе В.В. Набокова русского периода тип денди-манекена представлен Фердинандом из рассказа «Весна в Фиальте»: «На нем был под каштановым пиджаком белый вязаный свитер с высоким сборчатым воротом; над зачесанными с висков волосами нимбом стоял папиросный дым, повторенный за ним в зеркале; костистое и, как это принято определять, породистое лицо было неподвижно, только глаза скользили туда и сюда, полные удовлетворения» [3, с. 572]. И дальше: «И вот уж он шел к нам навстречу, в абсолютно непромокаемом пальто с поясом, клапанами, фотоаппаратом через плечо, в пестрых башмаках, подбитых гуттаперчей» [3, с. 573]. Этот персонаж демонстрирует эстетику дендизма внешне, однако не показывает нам соответственного внутреннего содержания. В лице Фердинанда нам представлена та сторона рассматриваемого мировоззрения, которая характеризуется грубостью и цинизмом. Фигура героя, представленная положительно с точки зрения костюма, в последующем тексте опорочилась как на уровне поведения, так и на уровне отношения к искусству. Низость его моральных качеств с одной стороны, и безжизненность создаваемого им искусства с другой свидетельствуют об отсутствии в нем «человечности», а, следовательно, и приобщенности к манекенному, кукольному персонажу, схожим с настоящим человеком лишь внешне.

Следующим образом типологии является денди-художник, что оправдано особым пристрастием дендизма к прекрасному. Последнее денди находили во всем, но в первую очередь в различных видах искусства. В связи с этим многие представители данного мировоззрения являлись знаменитейшими коллекционерами. В то же время, как истинные эстеты они сами стремились к овладению тем или иным видом искусства. Однако для истинного денди было важно не столько проявление творчества, сколько понимание самого предмета, его законов. В.В. Набоков однажды сказал «Искусства как общего понятия не существует, существуют отдельные творцы, но все они индивидуальности, пользующиеся различными формами выражения» [4, с. 52].

Представителем типа денди-художника в прозе В.В. Набокова русского периода является герой романа «Дар» Фёдор Константинович Годунов-Чердынцев. Это один из самых автобиографичных персонажей в творчестве писателя. Годунов-Чердынцев является художником, в широком смысле этого слова: «Только — что вышедшая книга стихов до сих пор неизвестного автора, Федора Годунова-Чердынцева, кажется нам явлением столь ярким, поэтический талант автора столь несомненен. — Знаете что, оборвем на этом, а вы приходите вечером к нам, тогда получите всю статью» [3, с. 196]. Эта злая шутка, указывает на особенную чувствительность характера людей искусства, которую, не смотря на приверженность к последнему, истинные денди должны были избегать, т.к. подобное не присуще истинному денди. Прочие же постулаты дендизма Годунов-Чердынцев опровергает в последующем тексте романа, что подтверждает определение этого образа как денди-художника.

Еще одним типом проявления дендистского мировоззрения является денди-клоун. В прозе В.В. Набокова русского периода этот тип представлен двумя персонажами: Францем из романа «Король, дама, валет» и Феликсом из романа «Отчаяние». Схожесть, просматриваемая уже на уровне имен, при более детальном рассмотрении выражается в шутовской курьезности подражания концепции дендизма. Главное же отличие между ними заключается в интенциях героев.

Франц сам желает стать денди. Однако первое впечатление Драйера о нем оказывается верным и неумолимым: «Этого пассажира он обошел, пощупал, пощекотал долгим, но легким, ни к чему не обязывающим взглядом, отметил зеленый крап его галстучка, стойвшего, разумеется, девяносто пять пфеннигов, высокий воротничок, а также манжеты и передок рубашки, — рубашки, существующей впрочем только в идее, так как, судя по особому предательскому лоску, то были крахмальные доспехи довольно низкого качества, но весьма ценимые экономным провинциалом, который нацепляет их на суровую сорочку, сшитую дома. Над костюмом молодого человека Драйер нежно загрустил, подумав о том, что покрой пиджаков трогателен своей недолговечностью и что этот синий в частую белую полоску костюм уже пять сезонов как исчез из столичных магазинов» [1, с. 136]. Франц — провинциальный простак, ничего не смыслящий в моде. Он,

лишь пытается быть подражателем денди, но оказывается мелочным и беспринципным.

Вторым денди-клоуном является Феликс. Однако он становится причастным к дендистской эстетике не по собственной воле. Переводя бродягу в ранг предпринимателя, Герман делится с Феликсом своим костюмом: «Теперь он был готов. Он стоял передо мной, мой двойник, в моем солидном темно-сером костюме» [2, с. 501]. Однако наделенный природным дендистским чутьем Герман ощущает разницу между образом дорого одетого мужчины и нелепым подражателем: «Его взгляд скользнул по дорогой бледно-серой материи моего костюма, побежал по рукаву, споткнулся о золотые часики на кисти» [2, с. 403]. «Споткнувшийся взгляд» разрушает всю магию солидного костюма и демонстрирует нам тщетность попыток героя.

Эти два набоковских персонажа демонстрируют нам тип жалкого человека, чья природа не позволяет ему достигнуть идеала, которым в данном случае является образ истинного денди. Однако явные черты дендистской эстетики, характерные как для Франца так и для Феликса, обуславливают интерпретацию их образа как денди-клоуна.

Следующим типом денди, представленным в творчестве В.В. Набокова, является денди-спортсмен, олицетворяющий одну из основополагающих черт дендизма.

В прозе писателя русского периода этот тип нашел свое воплощение в образе Мартына Эдельвейса. Не смотря на его мягкий характер, трактовка этого героя как денди-спортсмена неоспорима: «Но что было Соне до его успехов в боксе, теннисе, футболе» [1, с. 170]. Слабая сочетаемость внутреннего мира Мартына с его отношением к спорту, являет собой одну из ярчайших особенностей эстетики дендизма, предусматривающей контрастность черт внутри её представителя, при условии их взаимовыгодного сосуществования. В Мартыне это условие соблюдается. Его спортивный дух шлифуется природной добросердечностью с одной стороны, а с другой — его внутренняя неуверенность перекрывается спортивной закалкой. Внешний же вид Мартына Эдельвейса неоспоримо указывает на его принадлежность к числу денди: «Его голубой галстук, острые концы мягкого отложного воротничка, двубортный костюм» [2, с. 155].

Одним из самых ярких образов денди, встречаемых в прозе В.В. Набокова русского периода, является тип денди-бабочки. Он представляет собой полную противоположность образа денди-спортсмена и наиболее близко поставлен к образу истинного денди.

Представителем данного типа является герой романа «Король, дама, валет» — Драйер. Этот герой демонстрирует виртуозное владение дендистскими манерами, выражающимися, в том числе, и на уровне препровождения досуга: «— А я, моя душа, пойду прогуляться, — сказал Драйер, любивший курить на свежем воздухе» [1, с. 140]. Будучи уже не юношей герой набоковского романа не отказывает себе в периодических занятиях теннисом. Однако в силу возраста и статуса Драйер не способен

оказаться денди-спортсменом, благодаря чему он избирает для себя более спокойные виды траты свободного времени.. Приверженность дендистской эстетике в вопросах проведения досуга проявляется у Драйера так же в привычке к званым приемам, устраиваемым в обед или на ужин. Подобные черты являются характерными признаками мировоззрения настоящего денди и органично дополняют сложившийся образ денди-бабочки, составленный В.В. Набоковым.

В то же время, особую эстетику Драйер способен продемонстрировать лишь одной своей позой: «Удобно одетый, совершенно здоровый, с туманом легких мыслей в голове, с мятным ветерком во рту, Драйер сидел, скрестив руки, и складки мягкой материи на сгибах как-то соответствовали мягким складкам его щек, и очерку подстриженных усов, и вееркам морщинок у глаз» [1, с. 136].

Однако, не смотря на столь высокую виртуозность, герой В.В. Набокова оказывается неприспособленным к жизненным трудностям. Драйер не живет в реальном мире, променяв его на мир фантазий и ожиданий, что, несомненно, свидетельствует о его принадлежности к образу денди-бабочки.

Отраженные выше образы денди набоковской прозы русского периода оказываются на стыке автобиографии, художественного вымысла и интертекстуальности. Последняя, обеспечивается материалом русской и зарубежной литератур XVIII–XIX веков. Особенно яркое проявление она находит в прозе В.В. Набокова русского периода. Металитературным источником набоковских образов денди являются тексты и образы А.С. Пушкина, М.А. Кузьмина, Д. Браммелла и О. Уайльда.

Все эти образы представляют собой систему черт эстетики дендизма, которую можно представить в двух направлениях: черты, характерные для художественного мира В.В. Набокова и специфические черты образа денди в произведениях писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко-Толстая, Н. И., Долинин А.А. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Владимир Набоков (В. Сирин). — Т. 2: Машенька. Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. Драма. Эссе. Рецензии. 1926–1930. — СПб., 1999.
2. Артеменко-Толстая, Н.И., Долинин А.А. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Владимир Набоков (В. Сирин). — Т. 3: Пнин. Рассказа. Бледное пламя. 1930–1934. — СПб., 1999.
3. Артеменко-Толстая, Н.И., Долинин А.А. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Владимир Набоков (В. Сирин). — Т. 4: Приглашение на казнь. Дар. Рассказы. Эссе. 1935–1937. — СПб., 1999.
4. Бойд, Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография. — СПб., 2010.
5. Хеллер, Л. Дендизм, юмор, смех у Владимира Набокова // Журнал славистики. Том 72, Владимир Набоков в зеркале XX века. — (2000). — № 3/4. — С. 395–403.